

III.

В з я т і е К а з а н и.

Казань защищена была лишь деревянными и земляными укрѣпленіями. Но защитники ея, въ числѣ 30.000 человѣкъ, согласно лѣтописямъ, уже съ первыхъ дней осады обнаружили готовность къ самому жестокому сопротивленію. Они правильно рассуждали, что Казани нечего ждать пощады; они понимали, что въ вѣковой

борьбѣ двухъ расъ, двухъ государствъ и религій наступаетъ рѣшительный моментъ. До той поры, за исключеніемъ кое-какихъ передовыхъ постовъ или недавно основаннаго Свіязска, Москва ограничивалась возвращеніемъ себѣ прежнихъ русскихъ земель. Со взятіемъ Казани, она должна была захватить одинъ изъ древнѣйшихъ оплотовъ мусульманства. Царь Едигеръ - Магометъ получилъ изъ Крыма подкрѣпленіе въ лицѣ полководца и отряда отборныхъ воиновъ; татары вспомнили свою былую доблесть и успѣшно отбили первые приступы русскихъ. Это опять грозило, къ ужасу Ивана затянуть дѣло до роковой зимы.

Въ сентябрѣ подъ Казанью разразилась страшная буря. Въ московскомъ станѣ разбросано было множество шатровъ; на Волгѣ разбило не мало судовъ съ запасами для войска. Осажденные ликовали. Съ высоты укрѣпленій, которыхъ никакъ не могла пробить артиллерія Ивана, они уже издѣвались подъ «бѣлымъ царемъ». Съ безстыдными тѣлодвиженіями, обернувшись задомъ къ нему и подымая платье, они кричали ему дерзко, по словамъ лѣтописи: «Гляди, царь! Такъ-то ты возьмешь Казань!» Они дико кривлялись и испускали страшные вопли, какъ бы заклиная; суевѣрныя души русскихъ были смущены этимъ страннымъ зрѣлищемъ.

Но Иванъ не палъ духомъ. Чародѣйство татаръ вызывало страшные ливни; онъ велѣлъ привезти изъ Москвы чудотворный крестъ, съ которымъ пришла и ясная погода. Татары искусно поддерживали свои укрѣпленія; царь прибѣгъ къ иноземнымъ размысламъ, которые, при помощи апрошнихъ сооружений усилили дѣйствіе стрѣльбы и ускорили развязку. Народное воображеніе разукрасило эту осаду: она превратилась въ нѣчто подобное взятію Трои. Оно заставило Ивана провести восемь и даже тридцать лѣтъ подъ стѣнами татарской столицы. На самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ сентября, пушечный огонь достаточно подготовилъ почву; поэтому рѣшено было начать настоящій приступъ. Онъ открылся 2-го октября 1552 года. Побѣда, обезпеченная заранѣе, была уже въ рукахъ наступающихъ; но Иванъ, дотолѣ проявлявшій твердость и рѣшимость, на этотъ разъ оказался не на высотѣ. Войска привыкли уже повиноваться его собственнымъ приказаніямъ. Его боялись, и потому слушались его безпрекословно. Теперь полки шли одни: напрасно искали Ивана въ челѣ его рати. Вождь исчезъ; остался лишь Рюриковичъ. Онъ бѣжалъ опасности, сторонился отъ крововой сѣчи и медлилъ, припадая къ ал-

тарю съ горячими молитвами. На зарѣ князь Михаилъ Воротынскій готовился взорвать послѣднія укрѣпленія Казани. Въ это время, въ церкви, устроенной среди русскаго стана, шло торжественное богослуженіе. Преданіе говорить, что успѣхъ русскихъ подкоповъ подъ стѣны Казани обнаруживался въ соотвѣтствіи съ самыми торжественными моменами православной обѣдни. Когда діаконъ провозгласилъ: «покорити подъ нози его всякаго врага и супостата», раздался первый взрывъ; за возгласомъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастьрь»—послѣдовалъ новый взрывъ, сильнѣе прежняго. Но діаконъ и размыслы сдѣлали свое дѣло; теперь нужно было ворваться въ брешь. Въ воздухѣ свистѣли стрѣлы и пули. Призывы христіанскаго Бога и Магомета смѣшивались среди сѣчи. Къ царю прискакали, задыхаясь, бояринъ: «Государь! Время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя»... Но Иванъ важно отвѣтствовалъ ему словами изъ священнаго писанія. Люди его времени и развитія хранили въ памяти неистощимый запасъ подобныхъ цитатъ. Весьма кстати приведенный имъ текстъ говорилъ о пользѣ долгихъ молитвъ. Иванъ не тронулся съ мѣста. Прибѣжалъ новый гонецъ съ болѣе тревожными вѣстями. Наступающія войска ослабѣваютъ; татары опять берутъ верхъ; царю необходимо во что бы то ни стало появиться во главѣ русскихъ силъ... Иванъ испустилъ глубокой вздохъ; обильныя слезы полились изъ глазъ его; громкимъ голосомъ онъ воззвалъ къ небу о помощи...

Въ образѣ дѣйствій молодого царя ясно сказался характеръ русской натуры. Конечно, многое зависѣло здѣсь и отъ той исключительной нервности, которой, какъ знаемъ мы, отличался самъ Иванъ. Была ли то трусость? Отнюдь нѣтъ. Скоро этотъ же человѣкъ, невзирая на страшную ненависть окружающихъ, будетъ тираннически, огнемъ и мечемъ подчинять ихъ своей несокрушимой волѣ; двадцать лѣтъ подрядъ будетъ онъ неуклонно преслѣдовать свою задачу, пренебрегая слабостью, злобой или предательствомъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей. Нѣтъ, глава опричнины не былъ и не могъ быть трусомъ по природѣ. Иванъ, просто, былъ достойнымъ преемникомъ князей Московскихъ, собиравшихъ великую землю русскую—но не на полѣ битвы, не доблестными подвигами храбрости. Они добились этого темными средствами всяческихъ казней, торгашества и скопидомства; они творили чудеса—но только терпѣнія, хитрости, геройской выносливости подъ гнетомъ всяческихъ униженій. Съ другой стороны, Иванъ много перенялъ отъ прежнихъ властителей русской

земли, пришедших съ Востока. Они научили его этой азіатской нѣгѣ, презрѣнію къ тѣлеснымъ усиліямъ, высокоумному безстрастию. Сражаться, наносить удары, самому подвергаться ихъ опасности? о, нѣтъ, это не было дѣломъ царя, какъ они его понимали. Для этого у властелина есть рабы. Самому ему остается повелѣвать, посылать людей на гибель—и молиться.

Однако, бояре, окружавшіе Ивана, иначе понимали его обязанности. Исполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ пытался и силою вовлечь государя въ битву... Но прежде Ивану нужно было приложиться къ чудотворной иконѣ Сергія; прежде онъ долженъ былъ выпить святой воды, съѣсть кусокъ просфоры, принять благословіе духовника, держать рѣчь къ духовенству, просить его о прощеніи и благословіеніи... Вѣдь, онъ шелъ «пострадать за вѣру православную». Послѣ этого, наконецъ, царь сѣлъ на коня.

Битва приходила къ концу, и нечего было бояться возврата къ нападенію со стороны осажденныхъ. Но даже теперь, по свидѣтельству очевидца, Курбскаго, противъ достовѣрности котораго Грозный не рѣшился возражать, лишь съ извѣстнымъ трудомъ удалось заставить царя двинуться впередъ: для этого бояре должны были взять его лошадь подъ уздцы...

Уже московскіе стяги развѣвались надъ стѣнами и первыя колонны наступающихъ проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ татаръ напрасно пытались спастись вбродъ черезъ Казанку въ окрестности города. Иванъ не думалъ прекращать убійства. Въ то время даже на Западѣ городъ, захваченный приступомъ, обрекался на смерть. Только женщины и дѣти были пощажены и взяты въ плѣнъ. Послѣ этого, подъ пѣніе молитвы «Тебе Господи хвалимъ», царь водрузилъ своими руками большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіе битвы развѣвался стягъ послѣдняго хана Казани. Здѣсь должны были построить церковь, и уже 2 дня спустя она была готова и освящена. Въ концѣ недѣли князья Александръ Борисовичъ Горбатый и Василій Семеновичъ Серебряный были посажены правителями покореннаго города. Побѣдитель же спѣшилъ вернуться въ Москву, чтобы свидѣться съ Анастасіей.

По дорогѣ въ столицу, во Владимірѣ, его ждала радостная вѣсть: царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Дмитріемъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ селъ окрестностей Москвы—Тайнинскомъ, куда Иванъ впоследствии долженъ былъ удалиться среди постигшихъ

его испытаній, братъ его Юрій съ именитѣйшими боярами принесли ему первыя поздравленія. Въ Москвѣ, вышедшей ему навстрѣчу со всѣмъ духовенствомъ, митрополитъ сравнилъ его подвигъ съ дѣянiями Дмитрія Донского, Александра Невского и Константина Великаго, а затѣмъ, земно поклонившись, благодарилъ царя за побѣду, дарованную имъ странѣ и православной Церкви.

Побѣда была, дѣйствительно, велика. Она была значительнѣе по своимъ непосредственнымъ и болѣе отдаленнымъ результатамъ, нежели пріобрѣтеніе Трехъ Епископствъ, сдѣланное въ томъ же году Генрихомъ II на противоположномъ концѣ Европы.
